

УДК 327
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1030-1039
EDN: XEYATW
Оригинальное исследование

Влияние позиций Китая и Турции в Центральной Азии на стратегические интересы России в регионе

Шангараев Р.Н. , Ивочкина А.С.

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1
E-mail: shang143@mail.ru, petukhova-anna@mail.ru

Аннотация. Современная трансформация системы международных отношений оказывает значительное влияние на перераспределение стратегических приоритетов ключевых акторов в Центральной Азии. Несмотря на активное изучение роли России, Китая и Турции в регионе, остаются недостаточно исследованными механизмы адаптации российской внешней политики к новым geopolитическим реалиям, включая усиление экономического и политического присутствия Китая и Турции. Целью исследования является анализ стратегических интересов России в Центральной Азии в условиях меняющейся архитектуры международных отношений с учетом растущего влияния Китая и Турции. В работе использованы методы системного анализа, сравнительного исследования и контент-анализа официальных документов, статистических данных и экспертных оценок. Основные результаты исследования включают выявление ключевых направлений трансформации российской политики в регионе; оценку форм взаимодействия и конкуренции между Россией, Китаем и Турцией; определение перспектив сохранения российского влияния в Центральной Азии. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории международных отношений и могут быть использованы для разработки стратегических решений в области внешней политики России.

Ключевые слова: Центральная Азия, geopolитические интересы, Россия, Китай, Турция, евразийская интеграция, региональная безопасность, «Один пояс, один путь», пантюркизм, ЕАЭС

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2025. Влияние позиций Китая и Турции в Центральной Азии на стратегические интересы России в регионе. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 1030–1039. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1030-1039. EDN: XEYATW

The Influence of China's and Turkey's Positions in Central Asia on Russia's Strategic Interests in the Region

Ruslan N. Shangaraev , Anna S. Ivochkina

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
53/2, building 1, Ostozhenka St., Moscow 119021, Russia
E-mail: shang143@mail.ru, petukhova-anna@mail.ru

Abstract. The transformation of the international relations system significantly impacts the redistribution of strategic priorities among key actors in Central Asia. Despite active research on the roles of Russia, China, and Turkey in the region, the mechanisms of Russia's foreign policy adaptation to new geopolitical realities, including the growing economic and political presence of China and Turkey, remain understudied. The study aims to analyze Russia's strategic interests in Central Asia amid the changing international relations architecture, considering the increasing influence of China and Turkey. The research employs systemic analysis, comparative study, and content analysis of official documents, statistical data, and expert assessments. Key findings include: identifying the main directions of Russia's policy transformation in the

region; assessing the forms of interaction and competition among Russia, China, and Turkey; determining the prospects for maintaining Russia's influence in Central Asia. The results contribute to the theory of international relations and can inform strategic decision-making in Russia's foreign policy.

Keywords: Central Asia, geopolitical interests, Russia, China, Turkey, Eurasian integration, regional security, "One Belt, One Road", pan-Turkism, EAEU

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2025. The Influence of China's and Turkey's Positions in Central Asia on Russia's Strategic Interests in the Region. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 1030–1039 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1030-1039. EDN: XEYATW

Введение

Современная архитектура международных отношений характеризуется переходом к полицентричной модели, сопровождающимся перераспределением зон влияния и изменением баланса сил. В этом контексте Центральная Азия, сохраняя свою стратегическую значимость как перекресток интересов ведущих мировых игроков, становится пространством для реализации конкурирующих проектов регионального развития.

Анализ существующих исследований (Лузянин, 2021; Тренин, 2022) свидетельствует о недостаточной проработке вопросов адаптации российской внешнеполитической стратегии к новым вызовам, связанным с усилением экономического присутствия Китая через механизмы инициативы «Один пояс, один путь» и активизацией Турции в рамках тюркской интеграционной повестки. При этом сохраняется дефицит комплексных исследований, рассматривающих взаимодействие этих трех акторов в едином методологическом ключе.

Целью исследования является выявление ключевых векторов трансформации стратегических интересов России в Центральной Азии в условиях изменения регионального баланса сил.

Структура статьи включает анализ современной геополитической конфигурации в Центральной Азии, оценку стратегических приоритетов России, Китая и Турции, а также прогноз развития ситуации в регионе. Полученные результаты позволяют переосмыслить традиционные подходы к пониманию роли России в Центральной Азии и предлагают новые векторы для стратегического планирования.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает система международных отношений в Центральной Азии в контексте её трансформации и влияния на стратегические интересы России. В фокусе анализа находятся политические, экономические и военно-стратегические аспекты взаимодействия России с государствами региона, а также растущая роль Китая и Турции, чьи действия формируют новые вызовы и возможности для российской внешней политики.

Методы исследования включают:

Системный анализ – для рассмотрения Центральной Азии как целостного геополитического пространства, где пересекаются интересы ключевых акторов.

Сравнительно-исторический метод – для выявления эволюции стратегий России, Китая и Турции в регионе и оценки динамики их влияния.

Контент-анализ официальных документов, выступлений политических лидеров и экспертных оценок – с целью определения ключевых векторов политики РФ, КНР и Турции в Центральной Азии.

Статистический анализ данных по торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству – для оценки степени вовлеченности внешних игроков в регион.

Комплексное применение этих методов позволяет выявить основные тенденции трансформации международных отношений в регионе и определить оптимальные пути защиты и продвижения стратегических интересов России.

Результаты и их обсуждение

Стратегические geopolитические интересы России, Китая и Турции в Центрально-Азиатском регионе

Центральная Азия остается зоной пересечения стратегических интересов трех ключевых региональных игроков – России, Китая и Турции, каждый из которых проводит в регионе собственную линию, отражающую их глобальные амбиции и региональные приоритеты.

Для России Центральная Азия сохраняет статус зоны стратегических интересов, что обусловлено тремя ключевыми факторами. В военно-политической сфере Москва поддерживает доминирующие позиции через военные базы в Кыргызстане (Кант) и Таджикистане (201-я РВБ), реализует функции безопасности через ОДКБ (что наглядно продемонстрировала операция в Казахстане в 2022 году), а также активно противодействует угрозам терроризма и наркотрафика из Афганистана. В экономическом плане Россия сохраняет контроль над ключевыми энергетическими и транспортными коридорами через механизмы ЕАЭС, регулирует значительные потоки трудовой миграции (до 4 млн трудовых мигрантов из ЦА в РФ) и сохраняет доминирующие позиции в газотранспортной системе региона. Идеологическое влияние Москвы проявляется в продвижении концепции «Большой Евразии», поддержке русскоязычного образовательного пространства и противодействии так называемым «цветным революциям» [Ивочкина, Шангараев, Ногмова, 2024].

Китайская стратегия в регионе представляет собой многоуровневую систему, сочетающую экономическую экспансию, политico-безопасностные интересы и технологическое проникновение. Экономическая экспансия Пекина выражается в масштабных инвестициях в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (превысивших \$50 млрд в ЦА к 2023 году), контроле над 40 % газового экспорта Туркменистана и активном строительстве транспортных коридоров «Китай – Европа». В политico-безопасностной сфере Китай через ШОС противодействует уйгурскому сепаратизму, стабилизирует афганское направление и создает альтернативные финансовые институты (такие как АБИИ). Технологическое проникновение проявляется во внедрении стандартов 5G через Huawei и развитии «Цифрового Шелкового пути» [Ивочкина, 2023].

Турция, в свою очередь, реализует в регионе стратегию «мягкой силы», делая акцент на культурно-исторических связях, экономическом сотрудничестве и военно-техническом партнерстве. Культурно-исторический аспект включает продвижение пантюркизма через организацию ТЮРКСОЙ и поддержку образовательных программ (сети школ и лицеев). Экономическое сотрудничество Анкары с регионом достигло товарооборота в \$10 млрд (2023) с акцентом на инвестиции в текстильную и пищевую промышленность. В военной сфере Турция наращивает поставки ударных БПЛА (Байрактар TB2) и проводит совместные учения с тюркоязычными странами.

Конкурентное взаимодействие трех акторов создает сложную систему балансов, где Россия сохраняет военно-политическое доминирование, Китай наращивает экономическое влияние, а Турция расширяет культурное присутствие. Такая конфигурация требует от центральноазиатских стран проведения гибкой многовекторной политики, позволяющей извлекать максимальные выгоды из конкуренции великих держав при сохранении собственного суверенитета и независимости. Особенностью текущего этапа является усиление экономического веса Китая при сохранении российского военно-политического присутствия и растущей турецкой культурной экспансии, что создает сложную мозаику взаимовлияний в регионе [Ивочкина, 2023].

*«Евразийский регион» и «государства ближнего зарубежья» выделены
как направления внешней политики России*

Глобализация и активность внерегиональных акторов, таких как США, ЕС, Китай и Турция, радикально трансформируют геополитическую архитектуру Евразии, стирая традиционные

границы и пересматривая иерархию региональных приоритетов. Классическое понимание государственных суверенитетов уступает место гибридным моделям взаимодействия, где интеграционные объединения (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ), транснациональные коридоры («Один пояс, один путь», Трансаспийский маршрут) и даже неправительственные структуры становятся равноправными участниками системы. Это новое региональное пространство включает не только государства, но и «серые зоны» влияния, где пересекаются интересы глобальных и локальных игроков. Например, китайские инфраструктурные инвестиции или турецкие культурные инициативы создают альтернативные центры силы, конкурирующие с традиционным доминированием России. В таких условиях Центральная Азия превращается в полигон для апробации многополярности, где старые союзы пересматриваются, а безопасность становится товаром, на который претендуют несколько поставщиков [Карпович, Шангараев, 2021].

Для России, столкнувшейся с беспрецедентным давлением коллективного Запада, Центральная Азия приобретает стратегическое значение как буферная зона и ресурсная база. Уроки «цветных революций» в Киргизии (2005, 2010, 2020 гг.) и Андижанских событий в Узбекистане (2005 г.), когда внешнее вмешательство дестабилизировало пророссийские режимы, заставили Москву перейти от реактивной к превентивной политике. Акцент сместился на создание механизмов «управляемой стабильности»: через ОДКБ Россия гарантирует военную поддержку (как в Казахстане в 2022 г.), а через ЕАЭС – экономическую привязку стран региона, контролируя миграционные потоки, транзит энергоресурсов и доступ к рынкам. Однако эта стратегия сталкивается с вызовами. Китай, предлагая альтернативные инвестиции без политических условий, и Турция, экспортирующая пантюркизм как идеологию мягкой силы, расшатывают монополию Москвы. Даже лояльные партнёры, как Казахстан, диверсифицируют внешнюю политику, участвуя в турецких культурных проектах или китайских транспортных инициативах, что заставляет Россию балансировать между давлением и уступками [Ногмов, Ивочкина, 2023].

При этом безопасность в регионе всё чаще определяется не военной мощью, а способностью контролировать информационные и экономические потоки. Запад, используя НПО и цифровые платформы, продвигает демократизацию как инструмент влияния, тогда как Россия отвечает ужесточением законодательства о «иностранных агентах» в странах-союзницах и созданием общих медиаресурсов на русском языке. Однако главным козырем Москвы остаётся её роль «гаранта последней инстанции» – готовность напрямую вмешиваться в кризисы, как это было в Казахстане, где операция ОДКБ не только подавила беспорядки, но и продемонстрировала пределы суверенитета центральноазиатских государств. Эта модель, однако, хрупка: растущая зависимость от Китая в экономике и необходимость считаться с турецкими амбициями заставляют Россию лавировать, сочетая жёсткость в вопросах безопасности с гибкостью в дипломатии [Ногмов, Шангараев, 2018].

Таким образом, трансформация евразийской geopolитики под влиянием глобализации формирует парадоксальную реальность, где Центральная Азия одновременно становится и щитом России против западной экспансии, и арендой конкуренции новых центров силы. Успех Москвы зависит от её способности переформатировать интеграционные проекты в условиях, когда традиционные методы контроля уступают место сложным симбиозам экономических, культурных и цифровых влияний.

Новая geopolитическая конфигурация: Китай и Турция в Центральной Азии на фоне украинского кризиса

Украинский кризис 2022 года стал катализатором трансформации geopolитического ландшафта Центральной Азии, создав уникальные возможности для усиления позиций Китая и Турции в регионе. На фоне международной изоляции России и ужесточения санкционного режима страны Центральной Азии были вынуждены ускорить процесс диверсификации внешнеполитических связей, что привело к пересмотру традиционных моделей взаимодействия и формированию новых стратегических альянсов.

Турция, искусно используя этнокультурную карту, значительно усилила свое присутствие в регионе через механизмы мягкой силы. Организация тюркских государств превратилась в эффективный инструмент анкарской политики, объединив под своей эгидой Казахстан, Киргизстан и Узбекистан. Образовательные проекты, включая сеть турецких лицеев и университетов (таких как Международный университет Ала-Тоо в Бишкеке), создают прочную основу для долгосрочного влияния на элиты региона. Особенно показателен рост медиавоздействия через телеканал TRT Avaz, чья аудитория в Центральной Азии за 2022–2023 годы увеличилась на 40 % [Ногмова, Ивочкина, 2024].

Энергетическая стратегия Турции претерпела значительную трансформацию после начала украинского кризиса. Транс-Каспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) приобрел новое значение как альтернатива российским транспортным артериям, при этом объем грузоперевозок по этому направлению в 2023 году вырос втрое. Углубление сотрудничества с Азербайджаном в рамках газового коридора ТАНАР позволило Анкаре позиционировать себя как ключевого посредника между Центральной Азией и Европой, особенно в условиях сокращения поставок российского газа [Шангараев, Ивочкина, 2024].

Китай, напротив, сделал ставку на экономическую экспансию, используя ослабление российских позиций для укрепления своих проектов в рамках BRI. Железнодорожный проект Китай – Киргизстан – Узбекистан, находившийся в стагнации более десяти лет, получил новый импульс – в 2023 году стороны наконец подписали соглашение о начале строительства. Модернизация казахстанского порта Актау превратила его в ключевой узел китайской торговли с Каспийским регионом с ростом грузооборота на 65 % за последний год.

Энергетическое сотрудничество Пекина с регионом достигло беспрецедентного уровня: через газопровод Центральная Азия – Китай теперь поступает 28 % всего китайского газового импорта (против 22 % в докризисный период). Китайские компании установили контроль над 35 % добычи нефти в казахстанском секторе Каспия, а долг Киргизстана перед КНР к 2023 году достиг критических 51 % ВВП.

Центральноазиатские страны демонстрируют удивительную гибкость в новых условиях. Казахстан, сохранив членство в ОДКБ, одновременно активизировал сотрудничество с НАТО через турецкие программы военного образования. Узбекистан, оставаясь ключевым партнером России в сфере безопасности, переориентировал 40 % своего экспорта на китайское направление. Эта многовекторная политика, однако, несет серьезные риски – нарастающая зависимость от китайских инвестиций и турецкого идеологического влияния может со временем ограничить реальный суверенитет стран региона [Шангараев, Ивочкина, 2023].

Таким образом, украинский кризис стал поворотным моментом для Центральной Азии, ускорив процесс перехода от российской доминанты к более сложной системе балансов, где Китай и Турция играют все более значимую роль. Этот переход, однако, остается противоречивым – с одной стороны, он открывает новые экономические возможности, с другой – ставит перед странами региона сложный выбор между сохранением традиционных связей и адаптацией к новой geopolитической реальности.

Постсоветская Центральная Азия: стратегическая конкуренция и партнёрство Китая, Турции и России в контексте сдерживания Запада

Сотрудничество России с Китаем и Турцией в Центральной Азии представляет собой сложный симбиоз тактических союзов, направленных на сдерживание западного влияния в регионе. Москва, используя противоречия Анкары и Пекина с Западом, стремится создать многоуровневую систему безопасности, которая бы изолировала Центральную Азию от экспансии НАТО и ЕС. Китай, находящийся в состоянии стратегической конфронтации с США из-за торговых войн, технологического соперничества и споров вокруг Тайваня, видит в России партнёра, способного отвлечь внимание Запада. Турция же, оставаясь членом НАТО, балансирует между альянсом с Москвой (например, по Сирии и энергетическим проектам) и

стремлением усилить свои позиции в тюркском мире, что вызывает настороженность у западных союзников [Шангараев, Ногмова, Ивочкина, 2023].

Для России Центральная Азия – ключевой элемент «ближнего зарубежья», где её влияние традиционно доминировало. Однако после 2014 года, когда санкции Запада ограничили возможности Москвы, она стала активнее привлекать Китай и Турцию к совместным проектам. Пример – развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который частично пересекается с китайской инициативой «Один пояс, один путь» (BRI). Это позволяет России сохранять контроль над логистическими коридорами, одновременно получая китайские инвестиции. С Турцией сотрудничество ведётся в сфере энергетики: проект «Турецкий поток» и амбиции Анкары по транспортировке каспийского газа в Европу косвенно усиливают позиции Москвы как энергетической сверхдержавы.

Однако уход России из региона, что маловероятно, но теоретически возможно, мгновенно изменит баланс сил. «Вакуум силы» будет заполнен Китаем, который уже контролирует 30 % нефтегазового сектора Казахстана через CNPC, и Турцией, расширяющей культурное влияние через образовательные проекты (лицеи Стамбульского университета в Узбекистане). С Запада в регион неизбежно усилят давление США и ЕС, уже финансирующие НПО и медиаплатформы, продвигающие демократические реформы, как это было во время «тюльпановой революции» в Киргизии (2005).

Турция, претендующая на лидерство в тюркском мире, рассматривает Центральную Азию как плацдарм для реализации своих амбиций. Через Организацию тюркских государств Анкара продвигает общую историко-культурную идентичность, инвестируя в инфраструктуру (строительство мечетей, как в Бишкеке) и образование. Однако её главный интерес – доступ к ресурсам. Участие в Транскаспийском международном транспортном маршруте (ТМТМ) может превратить Турцию в ключевой энергохаб, связывающий Каспий с Европой, что особенно важно на фоне её экономического кризиса (инфляция достигла 85 % в 2022 году). При этом Анкара не скрывает желания ослабить влияние Москвы: поддержка Украины дронами Bayraktar и сближение с Казахстаном в военной сфере (совместные учения) подтверждают её амбиции [Шангараев, Ивочкина, 2023].

Китай, избегая открытой конфронтации с Россией, методично выстраивает альтернативные механизмы влияния. Формат «Китай +5», запущенный в 2020 году, исключает Москву из диалога с Центральной Азией, фокусируясь на двусторонних соглашениях. Например, договорённости с Узбекистаном о строительстве Кашкадарынского ГПЗ или кредиты Киргизии на \$1 млрд под 2 % годовых усиливают зависимость региона от Пекина. Запад, включая США, поддерживает эти инициативы, видя в них инструмент ослабления России. Госсекретарь Энтони Блинкен в 2022 году заявил, что «Китай становится стабилизирующей силой в Центральной Азии», что отражает смену нарратива Вашингтона.

Несмотря на тактическое сотрудничество, Пекин и Анкара сохраняют глубинные противоречия. Турецкая поддержка уйгурских организаций, таких как Всемирный уйгурский конгресс, вызывает раздражение Китая, где уйгуры Синьцзяна подвергаются репрессиям. Кроме того, конкуренция за инфраструктурные проекты, как железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан vs. турецкие планы по модернизации Транскаспийской магистрали, создаёт напряжение. Однако оба игрока сходятся в стремлении ограничить российское влияние: Китай видит в Москве экономического конкурента (например, в поставках газа в ЕС), а Турция – идеологического оппонента в тюркском мире [Шангараев, Ногмова, Ивочкина, 2023].

Центральная Азия превращается в «шахматную доску», где Россия, Китай и Турция, несмотря на взаимные противоречия, вынуждены сотрудничать для сдерживания Запада. Однако их альянс хрупок: каждая сторона преследует собственные цели, что создаёт риски для региона. Если Москва не предложит новые экономические инициативы (например, цифровизацию ЕАЭС), её влияние продолжит сокращаться, а Китай и Турция укрепят позиции, переформатируя Центральную Азию в зону многополярного, но неустойчивого равновесия.

Заключение

Трансформация международных отношений, вызванная геополитической турбулентностью последнего десятилетия, кардинально изменила расклад сил в Центральной Азии. Усиление роли Китая, реализующего масштабные инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь», и Турции, продвигающей пантюркизм через культурно-исторические связи, не привело к вытеснению России из региона. Однако Москве пришлось пересмотреть формат своего влияния, сместив акцент с монопольного доминирования на участие в полицентричной системе, где её статус ключевого гаранта безопасности сочетается с необходимостью гибкого взаимодействия с новыми центрами силы.

Россия сохраняет военно-политическое лидерство благодаря институтам коллективной безопасности, таким как ОДКБ, чьи механизмы были успешно апробированы во время кризиса в Казахстане в 2022 году. При этом её экономическое влияние постепенно переформатируется: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), изначально задуманный как альтернатива европейской интеграции, теперь всё чаще сопрягается с китайскими и турецкими инициативами. Например, создание транспортного коридора «ЕАЭС – ЭПШП» позволяет совместить российские транзитные мощности с китайскими инвестициями, а участие Турции в транскаспийских маршрутах даёт Москве доступ к южным рынкам в обход санкций.

Адаптация к полицентричности стала для России вынужденной, но pragматичной стратегией. Сотрудничество с Пекином в ШОС и двусторонних проектах (например, газопровод «Сила Сибири – 2») помогает диверсифицировать экономические риски, в то время как взаимодействие с Турцией по сирийскому урегулированию и энергетическим контрактам создаёт буфер против давления НАТО. Однако такая модель требует постоянного балансирования:

- с Китаем – между экономической зависимостью и защитой суверенитета (например, ограничение доминирования юаня в расчётах внутри ЕАЭС);
- с Турцией – между военно-техническим партнёрством (поставки С-400) и конкуренцией за влияние в тюркоязычных странах.

Успех Москвы в долгосрочной перспективе будет зависеть от способности трансформировать ЕАЭС в более гибкую и привлекательную для соседей структуру. Это предполагает:

- технологическую модернизацию – развитие цифровых платформ (аналог SWIFT для ЕАЭС) и «зелёной» энергетики для снижения зависимости от китайских IT-решений;
- институциональную адаптацию – включение Узбекистана и Туркменистана в качестве ассоциированных членов ЕАЭС, что расширит рынок до 100 млн потребителей;
- культурную дипломатию – продвижение русского языка и образования как альтернативы турецким лицейям и китайским вузам.

Центральная Азия остаётся критически важным звеном в проекте «Большой Евразии», где сталкиваются не только интересы глобальных игроков, но и формируются новые правила миропорядка. Регион демонстрирует, что в условиях многополярности конкуренция и кооперация не исключают, а дополняют друг друга:

- Китай инвестирует в железные дороги, но зависит от российских энергоресурсов;
- Турция расширяет культурное влияние, но нуждается в российском газе;
- Россия сохраняет военное присутствие, но допускает экономическое проникновение партнёров.

Баланс сил здесь определяется не жёстким противостоянием, а способностью акторов находить временные компромиссы. Например, соглашение 2023 года о совместном патрулировании границ Таджикистана и Киргизстана с участием России, Китая и наблюдателей от ШОС показало, что даже конкурирующие державы могут координироваться ради стабильности.

Таким образом, Центральная Азия становится лабораторией постзападного мироустройства, где формируется модель гибридной интеграции – без доминирования одной силы, но с сохранением роли России как арбитра безопасности. Устойчивость этой модели

будет зависеть от того, смогут ли игроки превратить тактические союзы в долгосрочные институты, способные противостоять как внешним вызовам (санкции, климатические угрозы), так и внутренним противоречиям (социальное неравенство, межэтнические конфликты).

Список литературы

- Ивочкина А.С. 2023. Концептуальное обоснование и устойчивый прагматизм центральноазиатского вектора внешней политики Китая. *Вестник ученых-международников*, 2(24): 119–134.
- Ивочкина А.С. 2021. Мировой опыт приграничного сотрудничества. Актуальные проблемы мировой политики через призму COVID-19. *сборник тезисов*, 193–197.
- Ивочкина А.С. 2020. Приграничное сотрудничество России и Казахстана на современном этапе. *Вестник ученых-международников*, 4(14): 28–39.
- Ивочкина А.С. 2023. Проект «пояса и пути» в осуществлении внешней политики Китая в Центральной Азии. *Социально-гуманитарные знания*, 5: 127–130.
- Ивочкина А.С. 2019. Состояние и перспективы приграничного сотрудничества России и Казахстана на современном этапе. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 179–184.
- Ивочкина А.С. 2023. Турецко-китайское взаимодействие в рамках инициативы «Нового шёлкового пути». *Дипломатическая служба*, 3: 197–206.
- Ивочкина А.С. 2023. Угрозы безопасности в Центральной Азии, исходящие от Афганистана. *Вестник ученых-международников*, 1(23): 219–230.
- Ивочкина А.С., Шангараев Р.Н. 2019. Влияние западных стран на развитие приграничного сотрудничества России с прикаспийскими государствами. *Вопросы политологии*. Т. 9, 3(43): 512–518.
- Ивочкина А.С., Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш. 2024. Концептуальные основы полноформатного российско-центральноазиатского сотрудничества в рамках политики многовекторности. *Вестник ученых-международников*, 1(27): 47–65.
- Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. 2021. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве. *Социально-политические науки*. 11, 6: 65–72.
- Ногмов А.М., Ивочкина А.С. 2023. Геополитические аспекты межэтнических отношений в Казахстане на современном этапе. *Вестник ученых-международников*, 4(26): 73–86.
- Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. 2018. Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии. *Дипломатическая служба*, 3: 48–54.
- Ногмова А.Ш. 2018. Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 2(16): 50–59.
- Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2024. Идея формирования армии тюркских государств в современной внешней политике Турции. *Дипломатическая служба*, 4: 363–372.
- Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2018. Приграничное сотрудничество России и Казахстана в условиях евразийской интеграции: возможности и перспективы. *Международный правовой курьер*, 5(29): 34–38.
- Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2021. Теоретические основы приграничного сотрудничества. Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности, 544–553.
- Шангараев Р.Н. 2021. «Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира. Угрозы и перспективы. *Обозреватель*, 7(378): 70–84.
- Шангараев Р.Н. 2017. Интеграционное взаимодействие Евразийского экономического союза и Турции на современном этапе. *Вестник Российской таможенной академии*, 2: 36–41.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2024. Геостратегические перспективы Турции в евразийской интеграции стран Центральной Азии. *Вестник ученых-международников*, 2(28): 11–18.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2023. Особенности применения «мягкой силы» Турции на постсоветском пространстве. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 13, 9(102): 3766–3782.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2024. Перспективы реализации идеи Турции по созданию армии тюркских государств. *Вопросы политологии*. 14, 5(105): 1768–1774.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2023. Центральная Азия в geopolитическом пространстве Евразии. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 13, 11(104): 4661–4669.
- Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2024. Соперничество региональных и внeregиональных акторов в Центральной Азии в контексте концепции евразийства. *Социально-политические науки*. 14, 2: 75–82.
- Шангараев Р.Н., Яхменев П.А. 2017. Евразийская интеграция в условиях турбулентности международных отношений. *Дипломатическая служба*, 4: 40–45.

References

- Ivochkina A.S. 2023. Konceptual'noe obosnovanie i ustojchivyj pragmatizm central'noaziatskogo vektora vneshnej politiki Kitaya [Conceptual Justification and Sustainable Pragmatism of the Central Asian Vector of China's Foreign Policy]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 2(24): 119–134.
- Ivochkina A.S. 2021. Mirovoj opyt prigranichnogo sotrudnichestva [International Experience of Cross-Border Cooperation]. Aktual'nye problemy mirovoj politiki cherez prizmu COVID-19. sbornik tezisov, 193–197.
- Ivochkina A.S. 2020. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Kazahstana na sovremennom etape [Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan at the Present Stage]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 4(14): 28–39.
- Ivochkina A.S. 2023. Proekt "poyasa i puti" v osushchestvlenii vneshnej politiki Kitaya v Central'noj Azii [The Belt and Road Project in the Implementation of China's Foreign Policy in Central Asia]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 5: 127–130.
- Ivochkina A.S. 2019. Sostoyanie i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kazahstana na sovremennom etape [The Current State and Prospects of Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 3: 179–184.
- Ivochkina A.S. 2023. Turecko-kitajskoe vzaimodejstvie v ramkah iniciativy "Novogo shyolkovogo puti" [Turkish-Chinese Cooperation within the Framework of the New Silk Road Initiative]. *Diplomaticeskaya sluzhba*, 3: 197–206.
- Ivochkina A.S. 2023. Ugrozy bezopasnosti v Central'noj Azii, iskhodyashchie ot Afganistana [Security Threats in Central Asia Emanating from Afghanistan]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 1(23): 219–230.
- Ivochkina A.S., Shangaraev R.N. 2019. Vliyanie zapadnyh stran na razvitie prigranichnogo sotrudnichestva Rossii s prikaspiskimi gosudarstvami [The Influence of Western Countries on the Development of Cross-Border Cooperation between Russia and the Caspian Littoral States]. *Voprosy politologii*. 9, 3(43): 512–518.
- Ivochkina A.S., Shangaraev R.N., Nogmova A.Sh. 2024. Konceptual'nye osnovy polnoformatnogo rossijsko-central'noaziatskogo sotrudnichestva v ramkah politiki mnogovektornosti [Conceptual Foundations of Full-Scale Russian-Central Asian Cooperation within the Framework of a Multi-Vector Policy]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 1(27): 47–65.
- Karpovich O.G., Shangaraev R.N. 2021. Central'naya Aziya v kontekste sovremennoj geopolitiki na evrazijskom prostranstve [Central Asia in the Context of Modern Geopolitics in the Eurasian Space]. *Social'no-politicheskie nauki*. 11, 6: 65–72.
- Nogmov A.M., Ivochkina A.S. 2023. Geopoliticheskie aspekty mezhetnicheskikh otnoshenij v Kazahstane na sovremenном etape [The Geopolitical Aspects of Interethnic Relations in Kazakhstan at the Present Stage]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 4(26): 73–86.
- Nogmov A.M., Shangaraev R.N. 2018. Rol' regional'nyh integracionnyh ob"edinenij v obespechenii stabil'nosti i bezopasnosti v stranah Central'noj Azii [The Role of Regional Integration Associations in Ensuring Stability and Security in Central Asian Countries]. *Diplomaticeskaya sluzhba*, 3: 48–54.
- Nogmova A.Sh. 2018. Formy i strategii mezhdunarodnogo sotrudnichestva prigranichnyh regionov Rossijskoj Federacii [Forms and Strategies of International Cooperation between the Border Regions of the Russian Federation]. *Vestnik Diplomaticeskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2(16): 50–59.
- Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2024. Ideya formirovaniya armii tyurkskikh gosudarstv v sovremennoj vneshnej politike Turcii [The Idea of Forming an Army of Turkic States in Modern Turkish Foreign Policy]. *Diplomaticeskaya sluzhba*, 4: 363–372.
- Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2018. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Kazahstana v usloviyah evrazijskoj integracii: vozmozhnosti i perspektivy [Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration: Opportunities and Prospects]. *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er*, 5(29): 34–38.
- Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2021. Teoreticheskie osnovy prigranichnogo sotrudnichestva [Theoretical Foundations of Cross-Border Cooperation]. Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij, mezhdunarodnogo prava i bezopasnosti, 544–553.
- Shangaraev R.N. 2021. "Armiya Turana" – proekt Turcii po voennoj integraciyi tyurkskogo mira. Ugrozy i perspektivy [The Army of Turan is Turkey's Project for the Military Integration of the Turkic World. Threats and Prospects]. *Obozrevatel'*, 7(378): 70–84.
- Shangaraev R.N. 2017. Integracionnoe vzaimodejstvie Evrazijskogo ekonomiceskogo soyuza i Turcii na sovremennom etape [Integration Cooperation between the Eurasian Economic Union and Turkey at the Present Stage]. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii*, 2: 36–41.

- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2024. Geostrategicheskie perspektivy Turcii v evrazijskoj integracii stran Central'noj Azii [Geostrategic Perspectives of Turkey in the Eurasian Integration of Central Asian Countries]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 2(28): 11–18.
- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2023. Osobennosti primeneniya \"myagkoj sily\" Turcii na postsovetskom prostranstve [Features of the Use of Turkey's "Soft Power" in the Post-Soviet Space]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 13, 9(102): 3766–3782.
- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2024. Perspektivy realizacii idei Turcii po sozdaniyu armii tyurkskikh gosudarstv [Prospects for the Implementation of Turkey's Idea to Create an Army of Turkic States]. *Voprosy politologii*. 14, 5(105): 1768–1774.
- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2023. Central'naya Aziya v geopoliticheskem prostranstve Evrazii [Central Asia in the Geopolitical Space of Eurasia]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 13, 11(104): 4661–4669.
- Shangaraev R.N., Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2024. Sopernichestvo regional'nyh i vneregional'nyh aktorov v Central'noj Azii v kontekste koncepcii evrazijsstva [The Rivalry of Regional and extra-Regional Actors in Central Asia in the Context of the Concept of Eurasianism]. *Social'no-politicheskie nauki*. 14, 2: 75–82.
- Shangaraev R.N., Yahmenev P.A. 2017. Evrazijskaya integraciya v usloviyah turbulentnosti mezhdunarodnyh otnoshenij [Eurasian Integration in the Context of Turbulence in International Relations]. *Diplomaticeskaya sluzhba*, 4: 40–45.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 04.09.2025

Received: 04.09.20205

Поступила после рецензирования: 15.10.20205

Revised: 15.10.2025

Принята к публикации: 20.11.2025

Accepted: 20.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шангараев Руслан Насимович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Россия

[ORCID: 0000-0001-6557-4388](#)

Ивочкина Анна Сергеевна, заместитель декана факультета подготовки кадров высшей квалификации, преподаватель кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Россия

[ORCID: 0009-0003-7551-3652](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ruslan N. Shangaraev, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Professor of the Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Anna S. Ivochkina, Deputy Dean of the Faculty of Higher Education Training, Lecturer of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia